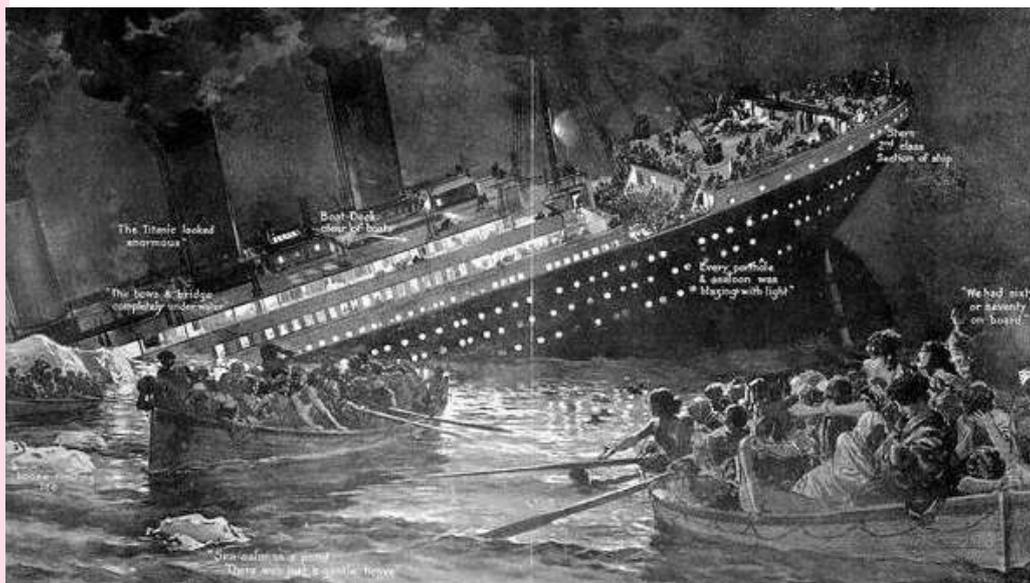

Музыка помогает до конца остаться человеком.

Сегодня трудно найти жителя Земли, который бы не слышал о трагическом крушении «Титаника», самого большого пассажирского лайнера своего времени. Крушения, во время которого погибло более полутора тысяч пассажиров и членов команды.

Об этой трагедии написаны книги и созданы художественные фильмы. Но мало кто знает о героическом подвиге музыкантов симфонического оркестра, которые были на этом корабле. Эта история об их подвиге и об удивительной силе музыки.

Лео и Жанна Борден сели на лайнер 11 апреля вечером, в небольшом портовом французском городе Шербур. Городе, известного нам, в основном, по музыке к фильму «Шербурские зонтики».

Лео работал клерком в небольшом банке, Жанна была начинающая художница. Три месяца назад они поженились и, можно сказать, что это было их свадебное путешествие.

Первый день на корабле прошёл замечательно. Реклама путешествия, которой

были переполнены все газеты уже в течение двух месяцев, не

обманула. Каюта второго класса была, действительно, комфортабельна, питание в ресторане вкусное и разнообразное, команда на редкость вежлива и предупредительна.

Несмотря на ветреную погоду, молодожёны после завтрака целый час гуляли по палубе, любясь беспокойным морем, а после обеда играли в мяч в специально оборудованном зале. Вечером в программе были указаны мероприятия в двух других залах. В одном танцы под негритянский джаз банд, в другом концерт классической музыки в исполнении симфонического оркестра.

Тут мнения Жанны и Лео разделились. Лео хотел пойти на танцы, Жанна на концерт. Сошлись на компромиссном варианте: «Давай, сначала прослушаем первое отделение концерта, -предложила Жанна. Оркестр будет играть мою любимую фантазию «Франческа ди Римини» русского композитора Чайковского. А потом, если захочешь, потанцуем». «Фантазия» русского композитора понравилась Лео и он согласился остаться и послушать ещё одно заявленное в программе произведение - концерт для скрипки Мендельсона. После окончания первого отделения они пошли на танцы и только в половину двенадцатого вернулись в каюту.

-Великолепный день, - сказал Лео, раскинувшись в кресле. -Надо мне было выбирать профессию моряка, а не торчать, как проклятый, целый день в банке.

- Ну, нет -рассмеялась Жанна.- Тогда бы ты постоянно был в море, а я каждый день должна была бы, как ты выражаешься, «торчать» на берегу и высматривать, когда появится твой корабль.

- Почему на берегу? –Ты бы работала на кухне или официанткой в ресторане. И у нас бы была такая же отдельная прекрасная каюта и...

Лео не успел закончить фразу, потому что в этот момент раздался громкий скрежет, корабль сильно трянуло и погас свет.

Трагедия века

начиналась. Было 12 апреля 1912 года. 00 часов 40 минут. Лео и Жанна выбежали в коридор, потом вместе с другими пассажирами на палубу. Никто ничего не знал и не понимал.

- Дамы и господа, сохраняйте спокойствие,- кричал в рупор помощник капитана. –Корабль столкнулся с айсбергом. Сейчас спустят спасательные шлюпки. Сначала садятся женщины и дети.

- Нет, -сказала Жанна. -Я не сяду в шлюпку без тебя.

В это время нос корабля, где были основные пробоины, резко пошёл вниз и налетевшая волна смыла несколько пассажиров за борт. Началось нечто невообразимое: безумные крики, плач детей, всеобщая паника.

И вдруг что-то изменилось. Произошло что-то удивительное и непонятное.

На палубу «Е», где были каюты второго класса и, где были расположены каюты оркестрантов, вышел с музыкальными инструментами оркестр в полном составе.

Дирижёр взмахнул палочкой и среди всеобщей паники и безумия зазвучала музыка. Могучая, неземная, всё покоряющая музыка Бетховена. Зазвучала его 5-ая симфония. С вечной, грозно напоминающей о неизбежности конца- «и это пройдёт», темой судьбы.

И случилось невозможное. Не на всём корабле, на других палубах музыку не было слышно, но на палубе «Е» паника прекратилась. Те, кому находилось место, сидели в шлюпки. Те, кому места не хватило, (Жанна не покинула Лео) принимали смерть величественно и спокойно. В том числе, музыканты оркестра. Случилось чудо. Великая, Божественная музыка Бетховена помогла людям до последнего момента остаться людьми.

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Первая скрипка.

Этот день рождения весной 1690 года был особенный. Позже, уже став взрослым, Бах вспоминал его, как один из самых счастливых дней в своей жизни.

Иоганну исполнилось тогда пять лет. С утра все его поздравляли, дарили подарки. Много подарков. Потому что у них была большая семья: три сестры и четыре брата. Только папа почему-то ничего ему не подарил и только загадочно улыбался.

А вечером состоялся в честь его дня рождения семейный концерт. Это был замечательный концерт. Не только папа и мама, но и все семь детей играли на разных музыкальных инструментах: скрипке, клавесине, виолончели, гитаре, мандолине, флейте.

А старшая сестра Каролина

сыграла на лютне. Жалко, что не сумели придти дедушка и бабушка, тоже музыканты. В этот вечер они были приглашены играть на свадьбе. В заключение сёстры, под аккомпанемент мамы, спели романс, который сочинил старший брат, Рудольф.

Когда концерт закончился, папа ушёл в другую комнату и вынес небольшую коробку: « Держи, дорогой Иоганн. Это тебе. Только аккуратно. Не урони» Иоганн положил коробку на стол, снял крышку и восторженно закричал от радости. Это было именно то, о чём он мечтал. Маленькая скрипка.

С тех пор отец стал учить его играть на скрипке. И хотя скрипочка поначалу не всегда издавала приятные звуки, как в

руках папы, занятия Иоганну очень нравились. Он относился к скрипке, как к живой и даже хотел класть её с собой в постель на ночь, но папа запретил: «Можешь случайно раздавить»

На этой маленькой скрипке 5-летний Иоганн сочинял и свои первые мелодии. Сначала он пытался повторить на скрипке те звуки, которые слышал вокруг: пение птиц, крик петуха, порывы ветра, даже скрип двери. Но потом он сочинил настоящую, собственную первую мелодию. Ему показалось, что он даже не сочинил её, а просто повторил те звуки, которые возникли у него в голове. С тех пор такое повторялось довольно часто. В голове непонятно откуда появлялась мелодия, а маленький Бах её играл. Позже эти же мелодии малыш подбирал и на клавесине. Жалко, что ни папа, ни мама не догадались записать эти первые сочинения великого Баха.

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Музыкальный шкаф

Мальчик лежал в кровати и прислушался. Нет, ещё рано. В доме не спали. Заплакала шестимесячная Кристина и Инга, жена брата, принялась укачивать её, что-то напевая. Какая красивая мелодия. Раньше Иоганн её не слышал. Может, Инга сама сочинила. И поёт хорошо. Так нежно-нежно. Надо будет эту мелодия завтра подобрать на скрипке.

Иоганн вспомнил, что когда он был совсем маленький, мама тоже ему пела перед сном. И тоже очень нежно. У них в семье все хорошо поют. Слезы навернулись на глаза. Как плохо жить без мамы. Он вытер глаза и сел, подложив под спину подушку. Только бы не заснуть. Так, иногда, уже случалось.

Нет, он не заснёт. Вчера он нашёл в шкафу брата замечательную музыку и сегодня надо будет её переписать до конца. Как зовут этого композитора? Кажется Пахельбель. Почему брат не хочет, чтобы он играл его музыку? Такую красивую. Непонятно. Если бы папа был жив, он бы ему разрешил. Но папа тоже умер в прошлом году.

-Как хорошо было раньше, - думал Иоганн, - когда были живы папа и мама. Брат тоже, конечно, заботится о нём, но всё стало совсем не так, как было раньше.

Иоганн прислушался. Кажется стало тихо. Все заснули. Можно было начинать. Мальчик тихонько встал, стараясь чтобы не скрипела кровать и подошёл к шкафу. Он был, как и всегда закрыт на ключ, но мальчик уже давно научился его открывать.

Дверцы были старые и шатались на петлях. Достаточно было одну дверцу поднять вверх и слегка пошевелить, как шкаф открывался. Надо только было потом не забыть и аккуратно поставить дверцы на места, чтобы брат утром не заметил.

Иоганн достал ноты, нотную бумагу, гусиное перо, чернила и сел за стол возле окна. Ночь был лунная, на небе ни облачка и ноты сегодня видно хорошо. Свечи, конечно, были в доме, но зажигать их было нельзя. Брат сразу бы заметил. Мальчик писал и погружался в музыку. Она звучала у него в голове, окружала, захватывала его и, наверно, потому писать не было скучно.

Ночные переписывания нот длились уже почти полгода. Мальчик не высыпался, у него болели глаза от напряжения, иногда он засыпал в школе прямо на уроке, но каждую ночь его тянуло к этой музыке снова и снова. Неожиданно открылась дверь и в комнату вошёл Рудольф. Мальчик вздрогнул и по нотам расползлась большая клякса.

- Иоганн, ты что делаешь? Почему не спишь?- брат подошёл ближе. Увидел открытый шкаф и всё понял. - Я же запретил тебе играть эту музыку. Тут нет ни мелодии, ни смысла. Эта музыка нарушает все правила гармонии. Если ты будешь её играть, из тебя не получится хороший музыкант. И папа, если бы он был жив, со мной бы согласился.

- Нет, папа бы мне разрешил, - у мальчика на глазах выступили слёзы и он еле сдерживался, чтобы не расплакаться.- Не забирай ноты, Рудольф. Я прошу тебя. Это хорошая музыка. Я тоже буду, когда вырасту писать такую музыку и даже ещё лучше.

-Ладно, утром поговорим. А сейчас иди спать, болтун. Завтра сделаю у шкафа новый замок.

Как мы знаем, Рудольф оказался не прав. Иоганн Себастьян стал великим композитором и, действительно, стал писать музыку лучше, чем его современники.

Первое произведение Моцарта

Музыка окружала маленького Моцарта с рождения. Думаем, что едва появившись на свет, а, может, даже ещё раньше, находясь в животе матери, крошечный Вольфганг не только слышал её, но чувствовал как она наполняет его, обволакивает, покачивает на своих ласковых, тёплых волнах. Тем более, что музыка в доме звучала постоянно: мама хорошо играла на фортепиано, а отец был учителем музыки.

В тот день, когда случилось чудо, о котором хотим рассказать, всё было как обычно. Папа с утра ушёл на работу. Мама готовила обед на кухне. Пятилетняя сестрёнка Нинерль играла с куклами в соседней комнате.

И вдруг, неожиданно, в какой-то момент трёхлетний Вольфганг услышал музыку. Эту музыку он никогда раньше не слышал. Она явилась непонятно откуда. Она звучала у него в голове. Она повторялась снова и снова. Вольфганг чувствовал, что ему надо что-то сделать с этой новой музыкой, но он не знал что.

Вольфганг зашёл к маме на кухню:

- Я слышу музыку. Что мне делать?

- Не мешай. Видишь я готовлю обед. Если тебе скучно, иди поиграй с Нинель.

Он зашёл к Нинерль:

- Я слышу музыку. Что мне делать?

- Я тоже слышу музыку. Ну и что?

- Это новая музыка. Ты её не могла слышать.

Нинерль удивлённо взглянула на брата и сказала почти тоже, что и мама:

- Не мешай. Видишь я готовлю обед для кукол.

Вольфганг ушёл в свою комнату, замер и прислушался. Музыка продолжала звучать и надо было что-то делать. Если был бы дома папа, он, наверно, подсказал бы что. Малыш подошёл к столу. Там лежали

нотные листы, на которых папа записывал музыку. Вольфганг с трудом влез на высокий стул, взял лежавшее рядом гусиное перо и обмакнул его в чернильницу. С этого момента и начинается настоящее чудо.

Трёхлетний Моцарт стал записывать музыку, звучащую в его голове. Он стал писать концерт для фортепиано. Тут всё непонятно. Всё - чудо. Во-первых, малыш не знал нот. Он не мог их знать, потому что никто его нотам не учил. Да и кому придёт в голову учить нотам трёхлетнего ребёнка? Во-вторых, он никогда не записывал музыку в нотах. Ведь чтобы записать музыку в нотах, надо уметь это делать. И, наконец, в третьих, вундеркинд Моцарт не имел представления, как сочиняются концерты для фортепиано. Этому его тоже никто не учил.

Тем не менее, маленький Моцарт писал быстро и увлечённо. Он перепачкал в чернилах всё, что можно было перепачкать: руки, лицо, одежду, стол, пол около стола. Да и сами нотные листы были в нотных кляксах. Он писал и писал. Тут не остаётся сомнений. Это было чудо. Рукой малыша двигал Всевышний.

Малыш даже не заметил, как вошёл в комнату, вернувшийся с работы отец.

- Ты что делаешь, сынок?
- Пишу концерт для фортепиано.
- Можно посмотреть?
- Да, посмотри, папа.

Старший Моцарт взял нотные листы и стал их рассматривать. Его изумлению не было предела. Это был концерт для фортепиано. Написанный по всем правилам. С оригинальными музыкальными темами. Это было невероятно. Это было сказке подобно. Такого просто не могло быть.

- Тебе помогала мама?
- Нет, никто мне не помогал. Мама сказала, чтобы я не мешал ей готовить обед.

Леопольд (так звали отца Моцарта) долго и задумчиво смотрел на сына и знал, что сказать. Он стал свидетелем чуда. Настоящего чуда.

После этого папа переписал концерт начисто и сыграл его. Это была прекрасная музыка. К великому сожалению, при всевозможных переездах первое произведение Моцарта не сохранилось.

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Орден за музыкальную память

Чудо-ребёнок Моцарт младший снова и снова продолжал и до сих пор продолжает удивлять мир. Уже начиная с 4-х лет (такого не было в истории) он даёт концерты, разъезжая по всей Европе с папой и тоже очень музыкально одарённой 6-летней сестрёнкой Нинерль.

Когда Вольфангу исполнилось 14 лет, его музыкальные произведения, также как и его искусство блестящего пианиста, получают широкую известность. И тут хотим рассказать ещё об одном проявлении феноменальных музыкальных способностей юного гения.

Весной 1770 года Вольфанг был на гастролях в Риме. Приближался день рождения Нинерль и мальчик, который очень любил сестрёнку, размышлял чтобы ей подарить.

Как-то папа рассказал ему, что по религиозным праздникам папский хор исполняет литургическую мессу известного итальянского композитора Грегорио Аллегри для двух хоров. Он сказал ему также, что месса Аллегри – личная собственность папского хора. Её ноты запрещается переписывать, а, тем более, издавать. Месса хранится в рукописи, под строгой охраной, в одном экземпляре. Тогда у юного Моцарта появляется сумасшедшая, абсолютно мальчишеская идея – записать по памяти эту мессу и подарить сестре на день рождения.

Как раз приближался религиозный праздник. Вольфанг пошёл в церковь, прослушал один раз эту сложнейшую, девятиголосную, длившуюся целый час мессу и, придя домой, записал её в нотах. По памяти! Нинерль была очень довольна столь необычным подарком.

Доносчики папы римского знали всё и через некоторое время (видимо, сестра Моцарта или сам Моцарт рассказали кому-то о таком подарке) Святейшему доложили о случившемся. Но он не поверил: «Человеку такое не под силу». Однако, упорные слухи, что невозможное всё-таки произошло, упорно бродили по городу.

Однажды вечером около гостиницы, где во время гастролей проживал Леопольд Моцарт с детьми, остановилась карета с папским вензелем. Из кареты вышел священник в чёрной сутане. Он спросил портье в каком номере проживают Моцарты. Поднялся на второй этаж и постучал. Открыл дверь Моцарт старший.

- Я руководитель папского хора, - представился пастор.

-Проходите, пожалуйста, садитесь,- пригласил его Леопольд, подозревая о чём пойдёт речь и немного волнуясь.

Они сели. Вольфанг и Нинерль вышли из соседней комнаты.

- Это правда, что Ваш сына по памяти записал мессу Аллегри?- спросил священник.

Леопольд помолчал и посмотрел на сына.

- Да, правда,- сказал мальчик. – Разве это запрещено.

- Принеси, пожалуйста, ноты, - не отвечая на вопрос, попросил пастор.

Вольфанг взглянул на сестру. Та ушла в соседнюю комнату, вернулась с рукописью и передала её руководителю хора. Тот погрузился в изучение нот. Все напряжённо молчали.

- Просто невысказано, - воскликнул священник, просмотрев рукопись до конца. Я не нашёл ни одной ошибки. Неужели ты слушал мессу всего один раз?

- Да, один.

Ошеломлённый пастор развёл руками и попрощался. Через некоторое время вышел указ папы Римского о награждении Вольфанга Моцарта одним из высших орденов Ватикана, орденом рыцаря Золотой Шпоры за, как было написано в указе : « ...удивительный, данный Богом, музыкальный дар».

Со дня смерти Моцарта прошло более двух веков, но и сейчас можно смело сказать, что в мировой истории не было человека, обладавшего таким как он музыкальным даром. И сегодня мы можем повторить вслед за великим русским композитором Чайковским: « Творчество Моцарта-это кульминационная точка, до которой красота достигала в музыке».

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Первое выступление.

Петя Чайковский родился в небольшом уральском городке Воткинске, где отец его служил директором горного завода. С пяти лет он начал учиться игре на фортепиано у Марии Пальчиковой, худенькой женщине невысокого роста из крепостных, которая в барском доме чувствовала себя робко и неуверенно. То ли учительница играла не очень хорошо, то ли малыш был необычайно одарён но, как пишут биографы великого русского композитора, Петя уже через год превзошёл учительницу и в умении читать ноты и в технике игры. Тогда и состоялось его первое выступление...

Домашние, любительские

концерты бывали в доме Чайковских не часто. Примерно, три-четыре раза в году. Шестилетний Петя их любил, ждал с нетерпением, и узнавал, что день концерта близко, когда начинались репетиции трио. За несколько дней до репетиции папа, Илья Петрович, доставал из шкафа флейту и мелодичные переливы наполняли дом, а мама, Александра Андреевна, садилась за рояль и напевала что-то такое красивое и нежное, что у малыша в груди становилось тепло и хотелось плакать.

Через несколько дней после того как папа начинал играть на флейте, приезжали два других участника трио, которых Петя уже хорошо знал: один играл на гитаре, другой на виолончели.

Репетиции проходили в зале для гостей. Играли, в основном, сочинения итальянских и немецких композиторов. Репетиция длились два-три часа, но малыш слушал, пока папа не прогонял его спать.

В тот день морозный, декабрьский день 1846 года на домашний концерт съехалось много гостей: несколько инженеров с семьями из горного завода, где папа служил директором, местный судья, большой

любитель музыки с женой и тремя детьми, несколько помещиков с жёнами из окрестных деревень.

Прибыл даже священник местной церкви, который раньше такие концерты не посещал. Он приехал, потому что в этот раз выступал хор певчих Благовещенского монастыря, а священник был большой любитель церковной музыки.

Всё было похоже на настоящий концерт. В большой зале ровными рядами стояли стулья. Участники волновались и ждали выхода в соседних комнатах. Большой, недавно купленный рояль, (раньше у Чайковских был только орган на мехах) сверкал бело-чёрным великолепием. Всё было готово. Гости, оживлённо переговариваясь, расселись по местам, но концерт не начинали. Чайковский старший постоянно выглядывал в окно и нервно потирал руки. Открыть концерт должен был хор певчих, а он почему-то задерживался.

- Не волнуйтесь Вы так, Илья Петрович, приедут они. У монастыря лошади хорошие. Возможно, дорогу снегом занесло.

- Илюша, может начнём с какого-нибудь другого номера? Хочешь я спою пару романсов?- предложила Александра Андреевна.

- Не знаю, не знаю, - неуверенно развёл руками Илья Петрович.- Сегодня, перед Рождеством так хорошо было бы открыть концерт именно церковным хором.

- Папа, можно я поиграю,- неожиданно подошёл к отцу Петя.

- Ты?- удивился Илья Петрович.

-А что? - поддержала мама. - Пускай поиграет. Сыграй, сынок, «Менуэт» Моцарта. Я слышала, как ты его вчера играл на уроке. Очень даже неплохо. И гостям будет не скучно.

- Ну, хорошо, - согласился папа. - Я тебя объявляю.

Петя подошёл к роялю, с трудом взобрался на высокий стул, но долго не начинал играть.

- Играй, Петенька. Играй «Менуэт» Моцарта, - шептала мама из другой комнаты.

И Петя заиграл. Но не «Менуэт». Протяжная мелодия что-то напоминала. Что-то знакомое и близкое. Сначала знакомый мелодический рисунок робко прорезывался, появляясь и исчезая, то в левой руке, то в правой руке, потом он начинал звучать всё настойчивее и определённое и, наконец, зал удивлённо ахнул. Все узнали. Это были вариации на тему местной народной песни: «На зоре было на зореньке». Песне, которую в Воткинске часто пели деревенские женщины во время работы. Всем стало ясно, что пьесу сочинил сам Петя. Этот маленький шестилетний мальчик. По окончании раздались бурные аплодисменты.

Потом приехал, наконец, хор певчих, было много других музыкальных номеров, но по окончании концерта все говорили, в основном, об удивительном таланте маленького композитора.

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

АНТОН ГРИГОРЬЕВИЧ РУБИНШТЕЙН (1829-1894 г.г.)

Антон Рубинштейн родился 16 ноября в приднестровском селе Выхватинец, Подольской губернии (сегодня территория Молдавии), но с деревенской жизнью познакомиться не успел.

Когда мальчику исполнилось три года, семья переехала в Москву. Первым учителем фортепиано у маленького Антоши, проявившего с раннего детства исключительные музыкальные способности, стала мама, Калерия Христофоровна. Она выросла на территории Восточной Пруссии, в бюргерской семье со строгими нравами, где важным способом воспитания детей считались физические наказания, в том числе, розги. Время от времени, это нехитрое средство Калерия Христофоровна, женщина властная и решительная, применяла это и для воспитания Антона. Об одном таком случае хотим рассказать...

Розги за обман

Санки мчались с горы. Всё быстрее и быстрее. Было весело и немного страшно. Темп музыки, которая неслась откуда-то сверху, тоже становился всё быстрее и быстрее.

Что это за музыка? Очень знакомая. Впереди, прямо на дороге, показалось высокое, мощное дерево. Дерево приближалось ближе и ближе, но он не может свернуть. Не получается. Сейчас санки врежутся в дерево...

В этот момент мягкая, нежная и, вместе с тем, настойчивая рука потрясла шестилетнего мальчика за плечо:

- Вставай, Антоша, вставай. Уже пора.

- Ну, мама, ещё немного. Ещё полчаса.

-Нет, Антон. Уже 6 часов утра. Надо заниматься музыкой.

Антоша знал, что спорить с мамой бесполезно. Как она сказала, так и будет. Малыш стал медленно, неохотно одеваться.

- Выпей стакан молока и начинай. Сегодня будешь играть «Фантазию» Мошелеса. Это трудное место на второй, третьей и четвёртой странице сыграешь 23 раза.

- Мама, - возмутился мальчик. - Почему так много? Вчера я играл только 10 раз.

- Потому что на той неделе у тебя первый серьёзный концерт, а ты до сих пор это место играешь неуверенно.

Антоша сразу вспомнил про свой сон и музыку, которая сон сопровождала. Это была «Фантазия». Та самая фантазия, которую ему через пять дней предстоит сыграть на концерте в Благородном собрании.

Мама говорила, что выступить на этом концерте - большая честь. Иногда их посещает даже сам Государь. И ещё он говорила, что обычно на таких концертах выступают только взрослые музыканты, а маленькие дети, как он, выступают в первый раз.

- Не нужна мне эта честь - думал мальчик, садясь за пианино. Но спорить с мамой было себе дороже. С мамой даже папа спорить не решается.

Неудовольствие, с каким маленький Рубинштейн садился каждое утро за инструмент в шесть утра, совсем не означало, что малыш не любил музыку. Или что ему не нравилась «Фантазия» Мошелеса, которую он разучивал в последнее время. Напротив. Музыка Антоша любил и «Фантазия» ему нравилось.

Но любить музыку и играть в важных и ответственных концертах, даже если эти концерты посещает сам Государь, это совсем не одно и то же.

Особенно, для маленького мальчика. Даже, если этот мальчик вундеркинд. Каким, вне всякого сомнения, был Антоша Рубинштейн. Потому что юный вундеркинд, как и любые, нормальные дети его возраста, не любил не вставать в шесть утра, и ему не нравилось повторять много раз одно и то же.

Итак, мальчик взобрался на стул, открыл ноты и начал играть. Мама находилась в это время в соседней комнате, делала какие-то свои дела (читала, вязала или шила), но постоянно слышала игру сына.

Более того, чтобы не ошибиться, Калерия Христофоровна использовала игральные карты: после окончания каждого проигрывания одна откладывала одну карту в сторону.

Уже после пятого раза бесконечные повторенья превратились для малыша в настоящее мученье. И тогда Антоша применил трюк: он пропускал полстраницы злосчастливого места в «Фантазии» и сразу перескакивал на конец.

Сначала всё шло хорошо. Однако, в какой-то момент мама заметила обман и, ничего не сказав, неожиданно вошла в комнату, где играл малыш, с розгами.

Карелия Христофоровна нежно любила сына, но свято верила в священное писание, которое в наше время в педагогическом смысле,

кажется весьма сомнительным: «Любяй своего сына, да участит ему раны»

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Чёрный хлеб и солёные огурцы

Этот февральский день 1842 года позже, уже став взрослыми, братья Рубинштейны вспоминали часто, с удовольствием, покатываясь от смеха. Но тогда было не до смеха. А получилось так.

С утра они от завтрака отказались. Не было аппетита. Слишком сильно было волнение. Сегодня они оба должны были играть в Зимнем дворце в присутствии императорской семьи.

А теперь, к вечеру, когда концерт прошёл хорошо и даже сам Государь похвалил их игру, у мальчишек, 13-летнего Антона и 7-летнего Коли (они жили в Москве в меблированных комнатах с их учителем по фортепиано Александром Иванович Виллуаном) разыгрался аппетит. Как назло, учитель куда-то уехал, а в доме ни крошки.

- У тебя есть деньги?- спросил Коля.

- Нет. А у тебя?

-Тоже нет.

- Давай, посмотрим в карманах, - предложил Николай.- Может что-нибудь завалилось.

Антон полез в карман своего концертного пиджака и запрыгал от радости:

- Я нашёл 20 копеек!

Как потом вспоминали братья, эти неожиданно обнаруженные 20 копеек принесли им не меньше радости, чем бурные аплодисменты после сегодняшнего концерта и благодарственных слов Императора.

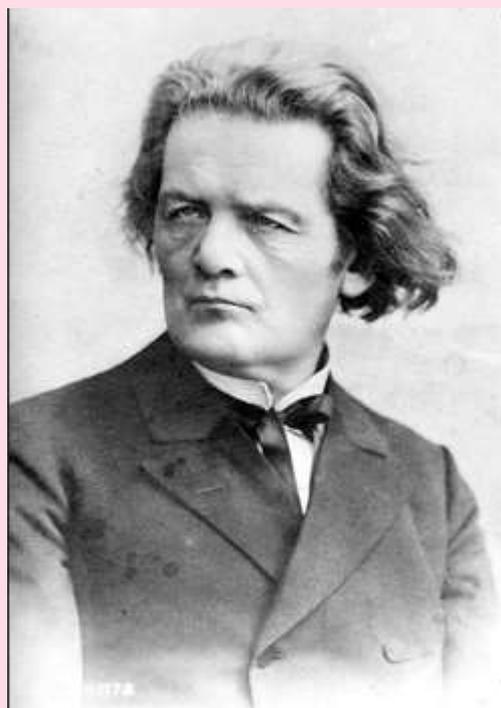
- Мы спасены!- вторил ему Николай. - Что будем покупать?

- А ты чтобы хотел?

- Я бы хотел поесть солёных огурцов и обычного чёрного хлеба. Ты когда ел в последний раз обычные солёные огурцы и обычный чёрный хлеб?

- Это было давно - согласился Антон. – Даже не помню когда.
- Ну, так вот. Иди и купи на 20 копеек солёных огурцов и чёрного хлеба.
- Сходи сам, - возразил Коля.- У тебя лучше получится.
- Ну, как я пойду,- сказал Антон. - По всей Москве продают газеты с моими портретами и вдруг: «Дайте чёрного хлеба и солёных огурцов» Все, кто узнает меня, будут смеяться.
- Хорошо - согласился Николай и побежал в находящуюся недалеко овощную лавку.

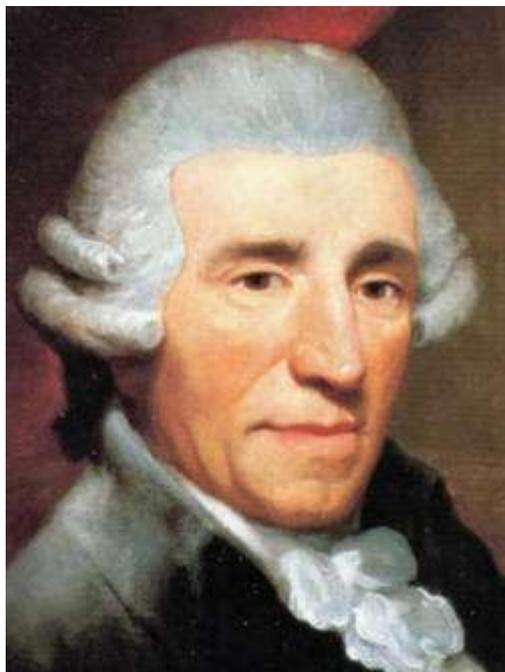
В этот вечер Коля и Антон устроили настоящий пир, о котором потом вспоминали часто. Действительно, что может быть вкуснее чёрного хлеба и солёных огурцов?

Братья Николай и Антон Рубинштейны

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Йозеф Гайдн (1732-1809 г.г.)

Великий австрийский композитор, которого называют «отцом симфонии», родился в небольшой австрийской деревне Рорау в 1732 году. Отец его был каретным мастером. Мать работала кухаркой в барской усадьбе.

Семья была музыкальная. Мама любила петь, а папа, не зная ни одной ноты, самостоятельно научился играть на арфе и аккомпанировал жене в семейных концертах, которые в их семье устраивались довольно часто.

Но мальчик прожил в семье недолго. Уже в пять лет его определяют в церковный хор небольшого городка Хайнбург, где он живёт у дяди, а в 8 лет мальчик становится певчим капеллы (так назывался коллектив, соединяющий хор и оркестр. Авторы) в Вене при соборе Святого Стефана. Фактически с этого времени у Йозефа начинается самостоятельную жизнь.

Пропущенный гол.

Часы в соборе пробили 2 часа дня и, как всегда в это время, закончилась репетиция хора. Мальчишки кинулись в столовую занимать места.

- Йозеф, - приходи сегодня играть в мяч, - сказал постоянный сосед по столу и приятель Гайдна, Клаус.

- Йозеф махнул головой и с набитым ртом пробормотал что-то неопределённое. Вообще-то, у него были на сегодня другие планы. Йозеф собирался поиграть сегодня пьесы нового итальянского композитора Адриано Банкьери, ноты которого он обнаружил в библиотеке собора. Йозеф взял клавикорды (один из инструментов, который был до появления фортепиано) под мышку и пошёл домой.

Никто не принуждал мальчика к занятиям. В это трудно поверить, но в крошечной комнатке на чердаке, расположенной недалеко от собора, 8-летний Гайдн, жил один. И день свой планировал самостоятельно. Как всякий нормальный мальчишка, Йозеф любил играть в мяч, но музыку он любил ещё больше.

Но сегодня поиграть Банкьеры не получилось. Как только Йозеф поставил на стол клавикорды и раскрыл ноты, с улицы раздался крик: «Йозеф, пойдём играть.» Мальчик выглянул в окно. Клаус махал рукой: «Пойдём. Все уже собрались. Петер принёс новый мяч»

Перед новым мячом Йозеф не мог устоять. Мальчишки побежали к собору, недалеко от которого был пустырь. Игра в мяч, в которую играли в 18 веке, была похожа на современный футбол: две команды, ворота, тряпичный мяч, набитый теми же тряпками или кожей. Мяч можно было бить ногой и кидать руками. Йозефа, ловкого и подвижного мальчика, обычно ставили на воротах. Так было и на этот раз. Разбились на две команды и игра началась. Дети в 18 веке мало отличались от детей в 21-м. Игра шла шумно, весело, с криками, спорами и, временами, даже с драками. Счёт был 2:2. Страсти накалились до предела.

И вот в самый напряжённый момент, когда нападающий вышел один на один с вратарём, в соборе Святого Стефана заиграл орган. Мальчик замер и как будто оцепенел. Мощные звуки накрыли его с головой и понесли куда-то далеко. Всё остальное не имело значения. «Йозеф, Йозеф, - кричали мальчишки. Мяч влетел в ворота, а 8-летний вратарь пошёл к собору на звуки музыки. «Ты куда? Мы ещё играем. Вставай на ворота». Но Йозеф в этот момент не слышал криков. Он ничего кругом не видел и не слышал. Юный Гайдн слышал только музыку. Прекрасную, величественную органную музыку.

После этого случая Йозефа больше не ставили на ворота.

Рассказы о детях, которые стали великими музыкантами

Максим Александрович Венгеров

Выдающийся скрипач современности родился в Челябинске 20 января 1974 года в музыкальной семье. Когда ему было всего месяц, семья переехала в Новосибирск. Маму пригласили руководить хором из 500 хористов, а папа выдержал конкурс и стал работать гобоистом

в симфоническом оркестре новосибирской филармонии. Недавно Максим Венгеров принял решение заменить скрипку на дирижёрскую палочку. Как скрипач рассказал в одном из интервью, мечта стать дирижёром зародилась у него ещё в самом раннем детстве. Всё происходило, примерно, так...

Мечта Максима.

В этот день и у папы, и у мамы репетиции были вечером. Оставить 4-летнего Максима дома одного они не решились.

- Что ты лучше хочешь послушать?- спросил папа. – Хор, где поют вместе много людей, или оркестр, где играют вместе много разных музыкальных инструментов?

Максим подумал и выбрал оркестр.

Репетицию проводил в большом зале филармонии главный дирижёр оркестра, профессор новосибирской консерватории Арнольд Кац.

Почти три часа мальчик сидел в первом ряду и внимательно слушал. После окончания репетиции смело взобрался на сцену и подошёл к дирижёру:

- Я тоже, когда вырасту, хочу работать как ты, - сказал он.

Кац сошёл с дирижёрского пульта и присел на корточки перед малышом:

- Да, ты прав. Это интересная работа. Но сначала тебе надо научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Подошёл папа с гобоем в руках. – Вот, например, на гобое, как твой папа.

- Нет, на гобое я не буду учиться, - сказал Максим. - Гобой в оркестре сидит далеко. Его не видно. Лучше я буду учиться на скрипке. Скрипку хорошо видно.

Потом подумал и добавил:

- Но когда я научусь играть на скрипке, я всё равно буду работать как ты. Тоже буду махать палочкой.

Сегодня мечта Максима Венгерова сбылась. Он выступает со многими ведущими оркестрами мира не только как скрипач, но и как дирижёр.

Лев Мадорский. Анатолий Зак.

